

# РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В 1930—1950-Х ГГ. THE REPRESSIVE POLICY TOWARDS CHILDREN IN THE 1930S—1950S

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 94—105.  
*Siberia Humanitarian*. 2023;(4):94—105.

Репрессивная политика в отношении детей в 1930—1950-х гг.

Научная статья  
УДК 94:325.111(574) «1930»  
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105

## Дети спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг.

Светлана Викторовна Елеуханова

Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан,  
eleuxanova62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5164-5544>

**Аннотация.** Начальный период организации системы спецпоселений в Казахстане характеризуется наличием значительного количества детей бывших кулаков. Их пребывание в ссылке выпадает на период голода 1931—1933 гг. в регионе. В статье сделан краткий анализ историографии по теме, обращено внимание на ее фрагментарный характер. Автор приходит к выводу, что проблема детей спецпереселенцев в Казахстане в это время не нашла должного отражения в отечественной исторической науке. Исследуются региональные особенности депортаций в Казахстан, положение детей спецпереселенцев в период голода 1930-х гг., делается акцент на причинах высокой детской смертности. Выясняется, как сохранились эти события в памяти детей спецпереселенцев. При анализе событий 1931—1933 гг. используется многофакторный подход (учет природно-климатических, социально-экономических и политических причин).

**Ключевые слова:** Советский Казахстан, дети спецпереселенцев, дети бывших кулаков, продовольственное обеспечение, голод 1931—1933 гг., инфекционные заболевания, детская смертность

**Благодарности:** Статья подготовлена в рамках реализации проекта № 1138-И-23 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей (ГФ МОН РК)» на 2022—2024 гг.

**Для цитирования:** Елеуханова С. В. Дети спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 94—105. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105.

## The repressive policy towards children in the 1930s—1950s

Original article

### Special settler's children in Kazakhstan in the period of the famine of the 1930

Svetlana V. Yeleukhanova

Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan, eleuxanova62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5164-5544>

**Abstract.** The initial period of the organization of the special settlement system in Kazakhstan is characterized by the presence of a significant number of children of former kulaks. Their stay in exile falls during the famine of 1931—1933 in the region. The article provides a brief analysis of historiography on the topic, paying attention to its fragmentary nature. The author comes to the conclusion that the problem of children of special settlers in Kazakhstan at that time was not adequately reflected in the national historical science. The article examines the regional features of deportations to Kazakhstan, the situation of children of special settlers during the famine of the 1930s, focuses on the causes of high child mortality. It turns out how these events were preserved in the memory of children of special settlers. When analyzing the events of 1931—1933, a multifactorial approach is used (taking into account natural, climatic, socio-economic and political reasons).

**Keywords:** Soviet Kazakhstan, special settler's children, former kulak's children, food supply, famine of the 1930s—1933s, infectious diseases, infant mortality

**Acknowledgments:** The article was prepared as part of the implementation of project № 1138-I-23 “Gulag children: from the history of Kazakhstani camps (GF MES RK)” for 2022-2024.

**For citation:** Yeleukhanova S.V. Special settler's children in Kazakhstan in the period of the famine of the 1930s. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):94—105. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105.

## Введение

Советская история конца 1920-х и 1930-х гг. характеризуется социальными катаклизмами: коллективизацией, раскулачиванием, ссылкой и др. В начале 1930-х гг. Казахстан стал в Советском Союзе одним из регионов расселения раскулаченных крестьян. Принудительному выселению подвергалась вся семья, включая детей. Положение о спецпереселенцах от 31 марта 1931 г. разделило всех спецпереселенцев на пять групп, к группе «д» относились дети до 16 лет. Советская власть воспринимала их как представителей социально чуждых слоев общества, политических противников государства. Трагическая страница кулацкой ссылки связана с голодом 1931—1933 гг. Массовый голод охватил обширные территории Советского Союза. Одним из эпицентров голода был Казахстан, потери казахского народа были катастрофическими.

Вопросы, связанные с положением детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг., остаются практически не исследованными. Изучение данной проблемы расширит представление об истории депортаций в Казахстан по социальному признаку, покажет региональную специфику этого процесса, поможет адекватно оценить причины высокой смертности детей бывших кулаков и влияние голода на детскую судьбу, выяснит отражение этих событий в памяти детей спецпереселенцев.

Изучение проблемы детей спецпереселенцев в голодные годы в Казахстане имеет не только научное, но и государственное значение. Казахстан — яркий пример формирования многонациональности как последствия насильственных депортаций в регион. Актуальность этой темы мы связываем с восстановлением исторической справедливости по отношению

к детям спецпереселенцев, которые были незаконно высланы в Казахстан. Подтверждением драматических последствий для них является заявление на реабилитацию Е. М. Зубковой на имя прокурора Карагандинской области в 1989 г., хранящееся в Государственном архиве Карагандинской области. Е. М. Зубкова, высланная с родителями в 1931 г. в регион, в своем заявлении написала: «У меня две взрослые внучки, я до сих пор скрываю, кто были мои родители. Как мне смыть это грязное пятно, что я дочь кулака, чем мне искупить вину моих родителей? Виноваты ли они?» [1, л. 17].

Исследование положения детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг. проводится впервые в казахстанской историографии.

## **Методология, методы и материалы исследования**

Статья написана на основе теоретических наработок современных ученых, которые при анализе событий 1931—1933 гг. используют многофакторный подход, т. е. анализ проводится с учетом природно-климатических, социально-экономических и политических факторов [2].

В советское время представленная тема не изучалась. Российские исследователи В. В. Кондрашин [3], Г. Е. Корнилов [4] в полном объеме осветили тему голода начала 1930-х гг. в российской, казахстанской историографии, в историографии дальнего зарубежья, выявили дискуссионные проблемы, расхождение подходов к изучению темы в целом. Для нашего исследования большую ценность представляют работы В. Н. Земскова [5] и Н. А. Ивницкого [6], в них имеется информация о кулацких детях, высланных в Казахстан.

Методологической основой исследования стали общенаучные (анализ, синтез, описание, сравнение, системный, количественный подходы) и специальные исторические методы (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-системный и др.), которые позволили выявить, систематизировать, провести комплексный анализ источников по истории детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг.

Источниковой базой статьи стали законодательные и нормативные правовые документы, делопроизводственная документация ГУЛАГа, сводки, справки ОГПУ, постановления республиканских и региональных партийных и советских органов власти. При написании статьи использованы опубликованные материалы [7—10], а также документы из фондов Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Карагандинской области (ГАКО), Северо-Казахстанского государственного архива (СКГА). К официальным материалам ОГПУ надо относиться с большой осторожностью. Обычным явлением было ретуширование темных сторон этого ведомства. Если мы тем не менее встречаем сообщения о тяжелом положении детей спецпереселенцев, то следует понимать, что в большинстве случаев в действительности оно было еще более тяжелым. Воспоминания детей спецпереселенцев были выявлены в ГАКО (фонд 205 «Надзорные производства по реабилитации граждан» и фонд 1500 «Коллекция документов по депортации и репрессии народов Советского Союза»).

## **Результаты исследования**

В 1930—1931 гг. Казахстан был одним из центров вселения раскулаченных семей из центральных районов России, Украины, Закавказья и Средней Азии. В 1930 г. сюда выслали на спецпоселение 1 265 семей (7 393 человека) [11, л. 106]. Всего по состоянию на 15 августа 1931 г. в Казахскую АССР оказались выселенными 47 452 семьи (234 013 человек) [8, с. 725], на конец сентября этого же года — 50 879 семей (261 227 человек) [9, с. 298—306]. Основная масса спецпереселенцев — 39 000 семей, прибывших в регион в начале июня 1931 г., были расселены в Осакаровка и Караганда.

Политика государства по ликвидации кулачества как класса затронула и детей. Во многих документах ОГПУ отсутствуют сведения о численном и возрастном составе детского контингента спецпереселенцев. Однако, по имеющейся информации, детей раскулаченных делили на три группы по возрасту: дети до 8 лет; дети школьного возраста 8—12 лет; подростки 12—16 лет.

Выборочные данные свидетельствуют о многодетности семей раскулаченных. Так, численность всех спецпоселенцев Бурненского Каучукпромхоза в июле 1931 г. составляла 3 074 человека, из них взрослых в возрасте 17—60 лет и выше было 1 666 человек (54,2 %), детей в возрасте до 16 лет — 1 408 человек (45,8 %). Имелись семьи с количеством членов от шести человек и выше. Средний состав семьи достигал 5,2 человека. В документе указывалось, что показатели численности спецпоселенцев неточны в связи с ненадлежащей системой учета [10, с. 358—360]. Многодетность высланных семей подтверждают сведения о контингенте спецпереселенцев Карагандинского района на 20 декабря 1931 г. Так, всего прибыло 49 578 человек, из них 20 439 (41,22 %) — дети до 14 лет [12, л. 38]. Из воспоминаний Н. А. Логова: «В 1931 г. маму с девятью детьми выслали в Осакаровский район под Карагандой в поселок № 24» [13, л. 174].

Официально планировалось отправлять на места поселения в первую очередь трудоспособных членов раскулаченных семей [10, с. 217]. На практике это правило подвергалось серьезной деформации. В телеграмме полномочного представительства ОГПУ по КАССР, отправленной в 1930 г. Актюбинскому, Петропавловскому, Уральскому, Чимкентскому окружным отделам ОГПУ, приведены примеры неправомерного выселения спецпереселенцев. Выслали немало вдов с тремя и пятью малолетними детьми. Много семей прибыло без денег, продуктов и вещей. При выселении у них изымали все имущество, включая предметы домашнего обихода и одежды. Разрешали взять с собой продуктов только на два-три дня [14, л. 23].

Были случаи выселения детей в Казахстан без родителей, о чем наглядно свидетельствует переписка органов прокуратуры о незаконной высылке в регион летом 1931 г. детей гражданки Никулиной [7, с. 108]. Переписка длилась в течение десяти месяцев, только в конце августа 1932 г. дети вернулись к родителям.

Сам процесс выселения, трудности в пути следования остались в памяти детей спецпереселенцев — раскулаченных крестьян, отправленных в Казахстан. Дорога в восточный регион страны для многих детей была сложной и мучительной, а первые годы жизни на спецпоселении — трагичными. Районы вселения в Казахстане находились в необжитых, отдаленных местах с суровым климатом [15, л. 4], социально-экономическая база для приема семей спецпереселенцев не была подготовлена. Детское восприятие тех событий можно воспроизвести благодаря воспоминаниям свидетелей кулацкой ссылки. Из воспоминаний Н. А. Яровой, отправленной в малолетнем возрасте вместе с родителями на спецпоселение: «Ранней весной 1931 года, когда наступил новый этап раскулачивания, не забыли о нашей семье. Нас с мамой в „скотском” вагоне поезда отправили вслед за остальными. Ехали в тесноте, духоте, испытывали страшную жажду и голод. Многие не выдерживали и умирали. На станциях, где останавливался состав, солдаты вытаскивали из переполненных вагонов трупы или еле живых людей. О тех, кого снимали с поезда, мы уже больше ничего не знали. И кто знает, может, для этих людей смерть была лучше, чем жизнь, в которой нас ждала неизвестность, страшная зима и полная обреченность. Как моя мама Аграфена Алексеевна смогла довести нас, четверых детей (старшему было пять, а младший только родился), до места назначения, одному только Богу известно. Но все мы живые вышли на станции Осакаровка, точнее сказать, высадили нас посередине голой степи, где вдоль железнодо-

рожной линии жили под открытым небом уже несколько месяцев семьи спецпереселенцев» [16, с. 4]. Другие жертвы принудительных миграций в детском возрасте в Казахстан воспроизводят схожие воспоминания.

Документы ОГПУ подтверждают, что условия расселения на новых местах были неприемлемыми для проживания спецпереселенцев, особенно детей. «Абсолютно не терпимое положение спецпереселенцев, — отмечается в докладных записках руководства ОГПУ в 1931 г., — создано вследствие отсутствия минимальных забот о них со стороны местных советских органов власти и хозяйственных организаций» [9, с. 249—250].

Важным вопросом жизнедеятельности детей было продовольственное обеспечение, за которое отвечали местные исполнительные комитеты. В 1930 г. народным комиссариатом снабжения были установлены единые нормы питания работающих и иждивенцев. Им полагалось в месяц 6 кг муки, 0,6 кг крупы, 2,25 кг рыбы, 0,09 кг чая. Для детей предусматривался тот же паек с добавлением сахара — 0,18 кг, растительного масла — 0,21 кг в месяц. Надо сказать, что и этот скудный паек выдавался не полностью и с частыми перебоями [8, с. 725—729]. В дальнейшем планировалось спецпереселенцев перевести на снабжение теми организациями, в ведение которых они передавались.

С июля 1931 г. все вопросы административного и хозяйственного устройства семей раскулаченных перешли в полное ведение органов ОГПУ. 27 июля 1931 г. Казахским краевым союзом были утверждены специальные нормы питания для детей спецпереселенцев. Согласно новым нормам дети получали 300 г хлеба в день, 6 кг муки на человека отпускалось на месяц. Остальные продукты были рассчитаны на квартал. В нормы рациона питания включили 1,5 кг крупы, 12,5 кг картофеля, 15 кг овощей, 750 г рыбы, 1,08 кг сахара, 270 г чая. Нормы питания, установленные Центросоюзом, считались обязательными для выполнения [17, л. 27—28 об.].

Постановлением правительства довольствие спецпереселенцев должно было обеспечиваться по нормам довольствия рабочих предприятий, на которых они работали, а членов их семей и детей — по нормам членов семей и детей рабочих [9, с. 306—307]. В ситуации острейшего продовольственного кризиса в стране местные хозяйственные органы оказались не в состоянии выдержать установленный ассортимент и нормы снабжения детей спецпереселенцев. Нельзя забывать о снижении уровня жизни населения всей страны. Положение осложнялось тем, что уже весной 1930 г. в Казахстане начался голод. По данным ОГПУ от 2 апреля 1930 г., первые жертвы голода появились в Петропавловском округе. В результате проведения коллективизации в Володарском, Кыласкерском, Красноармейском, Ворошиловском районах округа у населения отсутствовал хлеб. Зафиксировано много случаев употребления в пищу трупов животных [18, л. 38]. В сводке Казахского краевого комитета ВКП(б) «О продовольственном положении в округах Казахстана» от 16 апреля 1930 г. в ряде районов Актюбинского, Уральского, Семипалатинского округов зарегистрированы многочисленные факты опухания от голода, настоящего голодания бедняков и маломощных середняков [19, л. 21—25]. Голод и лишения местного населения с каждым месяцем только усиливались. В 1932—1933 гг. Казахстан охватил массовый голод.

В условиях растущего продовольственного дефицита выделенных фондов для питания спецпереселенцев было недостаточно. Показательно в этом смысле донесение директора Каучукпромхоза Дронова. В информации «О спецпоселенцах Бурненского Каучукпромхоза» от 6 июля 1931 г. он признался: «В действительности нормы выдачи продуктов не соблюдались. В поселке Бурном приходится видеть детей нищих. Питание неработающих, в том числе матерей, кормящих грудью, а также детей, хуже питания взрослых рабочих» [10, с. 358—360].

В ситуации дефицита основных продуктов питания хозяйственные организации пытались стимулировать развитие общественного питания для детей спецпереселенцев. Однако в ряде спецпоселков Казахстана происходили хищения и воровство со стороны обслуживающего персонала столовых и ларьков. Например, в Карагандинском районе наблюдались случаи расхищения детского пайка работниками детской столовой, высокие наценки на обеды при одновременном низком их качестве. Стоимость продуктов на обед на одного ребенка составляла 7 коп., а плата взималась 25 коп. Ненадежность детского питания в свою очередь отразилась на питании спецпереселенцев-работников, которые вынуждены были своими производственными пайками делиться с членами семьи [20, л. 5—6]. Архивные материалы показывают, что зачастую выделенные продовольственные фонды не доходили до детей спецпереселенцев или использовались не по назначению из-за халатности, бесхозяйственности ответственных лиц. Выполнение планов отгрузок по нарядам центра в краевом союзе проходило без особого контроля со стороны местных органов власти. Так, наряды на продукты питания для спецпереселенцев северных районов Казахстана на 14 августа 1931 г. были выполнены по муке — на 13 %, картофелю — 14,7 %, рыбе — 1,1 %, мясу — 41,7 %. Выполнение планового распределения продовольственных товаров по всем спецпоселкам Казахстана в названный период составило всего 37 % [9, с. 298—304]. Все это привело к тому, что дети спецпереселенцев повсеместно получали только один хлеб [9, с. 298—306]. Многочисленные примеры подтверждают острую нехватку продовольствия, истощение и гибель детей. Так, за вторую половину июня 1931 г. в спецпоселениях Кускудукского и Семипалатинского лесных промышленных хозяйств умерло 100 человек, главным образом дети. В течение трех с половиной месяцев семьи спецпоселенцев снабжались только хлебом [20, л. 19—27].

Вместе с родителями голодали дети на Убинской лесной даче, употребляли в пищу падаль — вырытых из земли павших чесоточных лошадей, хлеб, испеченный из ботвы свеклы [10, с. 470—473].

В докладной записке члена ЦКК Чубина секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву «Об освоении и устройстве спецпереселенцев в Казахстане» от 14 сентября 1931 г. обращено внимание на распространение болезней, связанных с недостаточным питанием и сырой водой [9, с. 298—306].

Сведения о заболеваемости и смертности детей спецпереселенцев в Казахстане имеются в «Сводке о медобслуживании спецпереселенцев», подготовленной ГУЛАГ ОГПУ 22 сентября 1931 г. В фокус внимания лагерного ведомства попали два региона — Северный и Южный Казахстан. В спецпоселениях Северного Казахстана была зафиксирована высокая детская смертность. Так, за месяц — с 15 июля по 15 августа 1931 г. — умерло 987 детей. Возраст детей не указан. Смертность по всем возрастам составила за месяц 3,4 %. Указана главная причина смертности — последствия эпидемических заболеваний [9, с. 298—306].

Возраст детей, на который выпадает особенно высокий показатель смертности, прослеживается в докладной записке Г. Г. Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркомата РКИ Я. Э. Рудзутака. Это были дети младших групп. Так, в возрасте до трех лет умирает в месяц 8—12 % детей этой группы [5, с. 30].

Сводка от 22 сентября 1931 г. зафиксировала наибольшие показатели смертности спецпоселенцев в Южном Казахстане: «На отдельных пунктах спецпоселений рыбных промыслов Цветметзолото<sup>1</sup> ее можно квалифицировать как вымирание. За полтора месяца — с 1 июня по 15 июля 1931 г.

<sup>1</sup> Цветметзолото — Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины.

умерло 1 740 человек из 48 000, что составило 3,6 процента. В спецпоселках Рисового треста за этот же период умерло 7 проц. к общему числу населения в 15 000 чел. На рост смертности повлияли массовые инфекционные заболевания (сыпной и брюшной тиф) и остро-желудочно-кишечные заболевания» [9, с. 974—977]. В Южном Казахстане смертность затронула все категории спецпереселенцев, в том числе и детей. Так, в южно-казахстанском тресте «Скотовод» спецпереселенцы — женщины и дети, в том числе малолетние, не были обеспечены жильем и питанием. Они вынуждены были заниматься попрошайничеством. Документы умалчивают о судьбе этих несчастных детей. Руководство предприятия не позаботилось об их здоровье и жизнеобеспечении. Единственное, о чем переживал директор треста в связи со сложившейся ситуацией, так это о «подрыве авторитета предприятия» [10, с. 452—453].

Высокая детская смертность, зафиксированная в спецпоселках Карагандинской районной комендатуры, была связана с истощением детей от голода и вспышкой острозаразных заболеваний. С июля по октябрь 1931 г. здесь умерло 6 092 человека, из них — 4 589 детей. Только с 1 по 25 октября этого же года умерло в поселках: Майукдук — 465 человек, Тихоновке — 619, Кампанейске — 561 человек. Итого по трем карагандинским поселкам — 1 636 человек [20, л. 5—10]. Т. Г. Ефанова вспоминала: «Привезли нас в голую степь Казахстана. На три тысячи человек был один колодец, где стояли часами в очереди, чтобы достать одну кружку воды на семью. Была повальная дизентерия, во время которой, из-за отсутствия медицинской помощи, умерло много людей. Умер мой брат Ефанов Михаил в возрасте пяти лет» [21, л. 229]. На детский организм пагубно влияли недоедание, холод, нехватка воздуха в переполненных бараках, их антисанитарное состояние, некачественная вода, суровые климатические условия. Дети первыми становились жертвами оспы, скарлатины, кори, брюшного тифа, дизентерии и других острых инфекционных заболеваний.

Низкий уровень медицинского обслуживания способствовал распространению инфекций. Оперативный сектор Карагандинского районного отдела ОГПУ в ноябре 1931 г. докладывал Казахскому краевому комитету ВКП(б) о многочисленных проблемах с медицинским обслуживанием спецпереселенцев: неукомплектованности медицинскими кадрами и низкой квалификации врачей, отсутствии медикаментов в необходимом количестве, недостаточном количестве коек в больницах.

В условиях большой детской смертности разрешалось передавать детей спецпереселенцев до 14 лет с согласия родителей на иждивение и воспитание не только родственникам, но и всем желающим [7, с. 107]. В конце декабря 1931 г. передача детей спецпереселенцев родственникам допускалась в исключительных случаях, только с разрешения полномочного представительства ОГПУ [8, с. 799—800]. Такое решение объяснялось излишним оптимизмом и лукавством со стороны карательных органов в вопросе улучшения положения всех групп спецпереселенцев. По данным на 4 января 1932 г., только в Северном Казахстане передали родственникам и их знакомым на воспитание и иждивение 3 133 ребенка до 14 лет [9, с. 469—471].

В информации Ф. И. Голощёкину, подготовленной полномочным представителем ОГПУ по Казахской АССР В. А. Каруцким в январе 1932 г., положение с устройством спецпереселенцев оценивается как катастрофическое. Из-за хронического недоедания, отсутствия теплой одежды, чрезвычайно плохих жилищно-бытовых условий, как следствие, эпидемий сыпного тифа, оспы, скарлатины, дизентерии чрезмерно возросла смертность среди спецпереселенцев [10, с. 470]. Принимавшиеся противоэпидемические меры были недостаточны и должных результатов не дали. Сохранились крупные очаги острозаразных болезней в спецпоселках Караганды и «Кара-талстроя». Истощение организма отражалось на физическом состоянии де-

тей и подростков сильнее, чем на взрослых. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах» от 26 января 1932 г. отмечается особенно высокий уровень смертности среди детей до восьми лет, доходящей до 10 % в месяц. «На смертность детей повлияли не только общие отрицательные санитарные, бытовые, климатические факторы, — пришла к выводу комиссия Политбюро, — но и недостаточное по количеству и неудовлетворительное по качеству их питание» [9, с. 502—505].

Комиссия выработала комплекс мер оздоровления в районах спецрасселения, уменьшения детской смертности. Первостепенное значение имели мероприятия медико-санитарного характера. Планировалось организовать на ближайшие шесть месяцев дополнительное питание для наиболее слабых детей младших возрастов через сеть общественного питания в детских яслях, дошкольных учреждениях, специальных детских столовых и путем выдачи на руки. Дети до восьми лет могли получить дополнительный паек за счет отчислений от зарплаты родителей, наиболее нуждающимся детям спецпереселенцев полагалась его бесплатная выдача. Предусматривалось увеличение продовольственного пайка в следующих размерах: муки — 12 кг в месяц вместо 8,6 кг, крупы — 1,5 кг вместо 0,8 кг, мяса или рыбы — до 2 кг вместо 1 кг. Указывалось на необходимость включения в месячный рацион до 3 кг овощей [9, с. 502—505]. На практике принятые решения не были реализованы в необходимом объеме, как, впрочем, и многие другие принятые постановления, резолюции, циркуляры. Проблема заключалась не только в слабости исполнительной дисциплины, расхищении выделенных средств, халатности, неготовности на местах урегулировать вопросы с питанием, бытом, медико-санитарным обеспечением детей спецпереселенцев, но и в масштабе голода в стране в 1932—1933 гг. Голод и связанные с ним эпидемии затронули почти все население Казахстана.

Положение детей спецпереселенцев не только не улучшилось, но и все больше ухудшалось. Так, в акте обследования поселка Тонрекейского района Карагандинской области от 25 марта 1932 г. по вопросу питания отмечено отсутствие каких-либо запасов продуктов. Спецпереселенцы питались разными суррогатами: кураем, лебедой, костями, которые размалывались и перемешивались, причем и их было недостаточно. Имели место случаи употребления в пищу животных — собак, кошек. Несмотря на случаи заболевания и смерти детей, не было ни одного посещения поселка медицинскими работниками [22, л. 181—182]. В докладной записке «Состояние спецпереселенческих участков по Тельманскому району» от 5 марта 1932 г. делается акцент на резком увеличении заболеваемости и смертности среди детей и стариков. Отмечаются единичные случаи рождаемости и высокая смертность на всех участках. Так, на участке № 11 умерло 1 314 человек, на участке № 3 — 1 232 человека, на участке № 4 умирает 60—70 человек за неделю [23, л. 11—13]. Тяжелые жилищно-бытовые условия, скудное питание, антисанитария вызывали новые и новые потери детей.

В письме начальника Карагандинского областного отдела ОГПУ Бака и начальника отдела спецпоселений по Северному Казахстану Шкеле, направленному секретарю Северо-Казахстанского обкома ВКП(б) от 16 мая, сообщалось о катастрофическом положении с ростом смертности спецпереселенцев, работающих в системе Управления угольной промышленности Караганды. В письме отмечалось, что если не будут приняты решительные меры, то через 10—11 месяцев весь контингент спецпереселенцев, работающих на шахтах Караганды, вымрет [24, л. 147]. Местные органы в докладных записках отмечали такую ситуацию как совершенно недопустимую, граничащую с преступлением.

В середине октября 1933 г. в записке начальника ГУЛАГа ОГПУ СССР М. Д. Бергмана в Деткомиссию ВЦИК сообщалось о резком ухудшении питания детей в Северном Казахстане, в связи с чем значительно повысилась

заболеваемость детей, а смертность достигла 15 % [7, с. 149]. Превышение смертности над рождаемостью прослеживаются по выборочным статистическим данным. Так, в Северном Казахстане в 1932 г. родилось 1 476 человек, в 1933 г. — 1 535, умерло — соответственно 21 344 и 25 293. В Южном Казахстане в 1932 г. родилось 425 человек, в 1933 г. — 547, умерло — соответственно 1 867 и 6 937 [6, с. 278]. Согласно данным В. Н. Земскова, в 1933 г. в кулацкой ссылке в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном Казахстане — в 13 раз [25, с. 8]. Начиная с 1935 г. рождаемость стала превышать смертность.

Остались воспоминания детей кулацкой ссылки в Казахстане, которые пережили голод. Так Е. М. Зубкова вспоминала трагедию своей семьи: «Моя сестра 1929 года рождения умерла в 1931 г. Жена брата и ее двое детей умерли в 1933 г.» [1, л. 17]. Из воспоминаний И. Хиловой, которая вместе с семьей была выслана в Казахстан в детские годы: «Трупы не успевали закапывать. Они не сохранялись, как зимой, стояло зловоние, першило в горле, вызывая тошноту. Мертвых не оплакивали, им завидовали. Умер и наш Вася (7 лет ему было). А мы трое детей выжили. Это чудо, что мы и горстка подобных нам остались живы и живем сейчас» [26, л. 11].

Спецпереселенцы всеми способами пытались спасти детей от голода. Не имея возможности содержать их, родители оставляли маленьких детей в общественных местах, давали им шанс на выживание. В документах упоминается, что большинство детей были в возрасте до трех лет. Областные и районные отделы здравоохранения принимали меры по их содержанию: создавали детские ясли, изолированные комнаты-распределители, детские столовые, распределяли детей в семьи для патроната. Такие семьи получали 30 руб. в месяц, при этом дети получали питание из детской или молочной кухни [27, л. 266].

В голодные годы росло число сирот среди детей спецпереселенцев. Детей, потерявших родителей, помещали в детские учреждения, отдавали на патронат в семьи местного населения, в семьи спецпереселенцев, находящихся в удовлетворительных жилищных и материальных условиях, направляли в школы фабрично-заводского обучения. Так, в начале января 1932 г. в Северном Казахстане было выявлено 136 сирот, из них 36 детей младшего возраста направили в ясли закрытого типа, 100 детей временно поместили в специально отведенных домах и содержали их за счет отдела по спецпереселенцам. В Южном Казахстане было выявлено большое число детей спецпереселенцев, лишившихся родительского попечения. Источники свидетельствуют, что Наркомат здравоохранения в этом регионе не проявил заботу о сиротах [9, с. 469—498].

Циркулярное письмо ГУЛАГа ОГПУ «О порядке использования нетрудоспособных категорий спецпереселенцев» от 10 июля 1932 г. продемонстрировало бездушное отношение к детям-сиротам. С этого времени в детдома направляли сирот из числа спецпереселенцев только до 12 лет. Детские учреждения социального воспитания были обременительны для местного бюджета. Исходя из этого, разрешали передачу детей родственникам или другим лицам, которые в письменной форме давали согласие на принятие их на свое иждивение. Круглые сироты старше 12 лет подлежали трудоустройству. В Карагандинской области на 1 октября 1932 г. на учете областной детской комиссии состояло 1 200 беспризорных из числа спецпереселенцев. Детские дома были переполнены, в связи с этим многие сироты оставались в спецпереселенческих поселках. 500 сирот из числа спецпереселенцев направили в колонии для инвалидов второй и третьей категорий, находящиеся в спецпереселенческих поселках [28, л. 106—112].

В 1933 г. численность беспризорных детей спецпереселенцев возросла. Об этом свидетельствует директива ГУЛАГа ОГПУ «Об устройстве детей-сирот» от 2 ноября 1933 г. В ней говорится: «Из имеющихся в ГУЛАГе

ОГПУ сведений видно, что в ряде спецпоселков находится значительное число детей различного возраста — сирот, беспризорных, больных и т. п. Эти дети, не имея родителей, следовательно, и постоянных жилищ, влачат полуголодное существование, подвержены всякого рода заболеваниям, которые в большинстве случаев приводят их к гибели». Репрессивная составляющая документа проявилась в том, что детей стали размещать как в гражданских организациях, так и в специально организуемых учреждениях при спецколониях [29, с. 45—46].

### Заключение

Практика пребывания детей на спецпоселениях не соответствовала нормам гуманности. Значительным фактором в жизни детей раскулаченных крестьян стало то, что система спецпоселений была важным структурным элементом ГУЛАГа. От голода, болезней, эпидемий в 1930—1933 гг. погибло много спецпереселенцев в Казахстане, особенно велика была детская смертность. До середины 1930-х гг. смертность превышала рождаемость. Если прибавить сюда резкое сокращение рождаемости, то очевиден серьезный ущерб, нанесенный будущим поколениям. На смертность детей повлияли как климатические факторы необжитых районов Казахстана, так и неудовлетворительные санитарные, бытовые условия, а также недостаточное и некачественное питание и инфекционные заболевания. Сложно определить общий результат этих демографических потерь, так как возрастной состав умерших стал учитываться с 1932 г., статистика ОГПУ фиксировала смерти далеко не всех детей спецпереселенцев. Определение окончательной цифры смертности детей кулаков требует анализа и сопоставления данных самых разных источников.

### Список источников

1. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 9. Д. 125.
2. Минц М. М. Голод в СССР 1930—1933 гг.: обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М. : ИНИОН. РАН, 2022. № 1. С. 53—68.
3. Кондрашин В. В. Современная историография голода начала 1930-х гг. в России и Казахстане: обзор литературы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 43—61.
4. Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99—12.
5. Земсков В. Н. Сталинская эпоха: экономика, репрессии, индустриализация. 1924—1954. М. : Вече, 2018. 304 с.
6. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. 294 с.
7. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский. М. : МФД, 2002. 631 с.
8. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939 : в 4 т. Т. 3 : 1930—1934 гг. Кн. 1 : 1930—1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2003. 864 с.
9. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940 гг. : в 2 кн. Кн. II. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2006. 1120 с.
10. Из истории депортаций. Казахстан 1930—1935 гг. : сб. док. Алматы, 2012. 772 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943.
12. ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
13. ГАКО. Ф. 205. Оп. 9. Д. 134.
14. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2988.
15. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969.
16. Яровая Н. А. Навечно в памяти // Сельский труженик — Осакаровка. 1997. 27 янв. С. 4
17. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р-1455с. Оп. 5 Д. 2.
18. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3321.
19. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2948.
20. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5032.

21. ГАКО. Ф. 205. Оп. 9. Д. 121.
22. Северо-Казакстанский государственный архив (СКГА). Ф. 22. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАКО. Ф. 18п. Оп. 1. Д. 13.
24. СКГА. Ф. 22-П. Оп. 1. Д. 172.
25. Земсков В. Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД — МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—17.
26. ГАКО. Ф. 1500. Оп. 1. Д. 121.
27. ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3.
28. СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 7.
29. Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг. : сб. док. / отв. ред. и авт. предисл.: В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 309 с.

## References

1. Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti (GAKO) [*State Archive of Karaganda Region (GAKO)*], coll. 205, aids 9, fol. 125.
2. Minc M.M. Golod v SSSR 1930—1933 gg.: obzor [Famine in the USSR 1930—1933: a review], *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 5: Istorija* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature]. Moscow, INION, RAN, 2022, no. 1, p. 53—68.
3. Kondrashin V.V. Sovremennaja istoriografija goloda nachala 1930-h gg. v Rossii i Kazahstane: obzor literatury [Modern historiography of the famine of the early 1930s in Russia and Kazakhstan: literature review], *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya vysshee obrazovaniya vysshee obrazovaniya. Volga region. Humanities], 2022, no. 4, pp. 43—61.
4. Kornilov G.E. Golod v Kazahskoj ASSR v 1930-e gody: istoriograficheskij drejff [Famine in the Kazakh ASSR in the 1930s: historiographical drift], *Novejshaja istorija Rossii* [Modern History of Russia], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 99—12.
5. Zemskov V.N. Stalinskaja jepoha: jekonomika, repressii, industrializacija. 1924—1954 [The Stalin era: economy, repression, industrialization. 1924—1954]. Moscow, Veche, 2018, 304 p.
6. Ivnickij N.A. Sud'ba raskulachennyh v SSSR [The fate of the raskulans in the USSR]. Moscow, Soobranie, 2004, 294 p.
7. Jakovleva A. N. (ed.), Vilenskij S. S. (ed.). Deti GULAGa. 1918—1956 [Children of the Gulag. 1918—1956]. Moscow, MFD, 2002, 631 p.
8. Berelovicha A. (ed.), Danilova V. (ed.). Sovetskaja derevnja glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939 : v 4 t. T. 3 : 1930—1934 gg. Kn. 1 : 1930—1931 gg. [Soviet village through the eyes of the VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939 : in 4 vols. Vol. 3 : 1930—1934. Book 1 : 1930—1931]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEH), 2003, 864 p.
9. Politbjuro i krest'janstvo: vysylka, specposelenie. 1930—1940 gg. [The Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930—1940] : v 2 kn. Kn. II. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEH), 2006, 1120 p.
10. Iz istorii deportacij. Kazahstan 1930—1935 gg. [From the history of deportations. Kazakhstan 1930—1935]: sb. dok. Almaty, 2012, 772 p.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)], coll. R-9414, aids 1, fol. 1943.
12. GAKO [GAKO] coll. 3, aids 1, fol. 15.
13. GAKO [GAKO]. coll. 205, aids 9, fol. 134.
14. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK)]. coll. 141, aids 1, fol. 2988.
15. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 2969.
16. Jarovaja N. A. Navechno v pamjati [Forever in memory], *Sel'skij truzhenik — Osakarovka* [Rural Worker — Osakarovka], 1997, 27 jan., p. 4.
17. Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)], coll. R-1455s, aids 5, fol. 2.
18. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 3321.
19. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 2948.
20. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 5032.
21. GAKO [GAKO], coll. 205, aids 9, fol. 121.
22. Severo-Kazahstanskij gosudarstvennyj arhiv (SKGA) [North-Kazakhstan State Archive (SKGA)], coll. 22, aids 1, fol. 22.
23. GAKO [GAKO], coll. 18, aids 1, fol. 13.
24. SKGA [SKGA], coll. 22-P, aids 1, fol. 172.

25. Zemskov V.N. Specposelency: po dokumentacii NKVD-MVD SSSR [Special settlers: according to the documentation of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 1990, no. 11, pp. 3–17.
26. GAKO [GAKO], coll. 1500, aids 1, fol. 121.
27. GAKO [GAKO], coll. 30, aids 1, fol. 3.
28. SKGA [SKGA], coll. 1189, aids 1, fol. 7.
29. Danilov V.P. (ed.), Krasil'nikov S.A. (ed.). Specposelency v Zapadnoj Sibiri. 1933–1938 gg. [Special settlers in Western Siberia. 1933–1938]: sb. dok. Novosibirsk : JeKOR, 1994, 309 p.

## **Информация об авторе**

**Елеуханова Светлана Викторовна** — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

## **Information about the author**

**Svetlana V. Yeleukhanova** — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Karagandy Buketov University, Republic of Kazakhstan. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.